

Сергей ЕСИН строитель готических замков

Завтра - 2005 - Дек. 12 (51) - С. 7
Беседа с Владимиром БОНДАРЕНКО
накануне 70-летия

В.Б. Ты в литературе, по-моему, наблюдатель. Это самое важное? Или тебе нравится выдумывать, сочинять, фантазировать?

С.Е. Ты правильно заметил, я — наблюдатель, и еще конструктор. В литературе самое трудное — это добраться до себя. Когда начинаю писать очень легко (а сейчас у меня идет такой легкий роман), значит, пишу от себя. Я — наблюдатель и аналитик. Ты, к сожалению, очевидно, не прочёл мой роман "Казус, или Эффект близнецов". Он выходил в малоизвестном "Московском вестнике". Я его написал в самом начале перестройки. Это мой лучший роман. О полной безысходности перестройки. О том, что в результате перестройки мы станем зачумленной страной.

Я перед этим напечатал несколько романов в "Знамени". Но уже собирался уходить оттуда. Как аналитик, понимал, что мне выгоднее быть с либералами, и денежнее, и в тот период престижнее, и издательская база была вся у них в руках. Но сидело во мне что-то важнее всяких расчётов и раскладов, и я сам пошел сначала в "Московский вестник", наивно думая, что его тираж соответствует объявленному, а там не было даже тысячи экземпляров. Роман так никто и не прочитал. Потом пришел в "Наш современник", где мы с тобой и поныне входим в общественный совет.

В.Б. К сожалению, сделать новый журнал, новую газету, новое издательство крайне трудно, даже если у тебя есть деньги. Самые известные примеры — это "Завтра" и "Независимая газета". Не случайно же антикоммунисты и аморалисты из "Московского комсомольца" не желают менять название, кому будет нужна их новая газета? А в пору упадка и самых именитых толстых журналов создавать новые — просто бессмысленно.

С.Е. Это только дилетанты думают, что легко создать новую газету, новый журнал, легко хранить традиции в институте. Какая раньше была мощь — Союз писателей СССР, богатейшая и влиятельная организация. Сколько было всего? Сейчас я был на новой сходке МСПС, выступил резко по всей политике МСПС. Утеряно почти всё. Дома творчества, поликлиника. Где Дом литераторов? Всё продано с вашими же именитыми подписями, сказал я. А вот Литературный институт никто не продал. Тоже мог бы так же хитро, догадаться бы лишь лет через двадцать, продать все наши территории и постройки и отправиться на жительство на Лазурный берег. И прекрасно знаю, как это можно сделать. И не желаю.

В.Б. Конечно, на первый взгляд, работа мешает творчеству. Но есть такой тип творца, которому недостаточно письменного творчества, и ты принадлежишь к такому типу...

С.Е. И ты принадлежишь, и Проханов принадлежит. Это люди с неуёмной энергией. Помнишь знаменитое высказывание Сомерсета Моэма: "Не бросайте работу, лучшего наблюдательного пункта вы никогда не найдёте". Это хороший наблюдательный пункт. Жизнь даётся один раз, надо очень точно ею распорядиться. В какие-то моменты у меня были фантастические сбои. Лет пять я писал какие-то монографии, увлёкся педагогической деятельностью, к которой склонен. В научном плане я тоже человек писучий. Готические замки романов ушли в сторону, надо было приводить в порядок институт. Бороться за здание, за землю. В это же время я писал роман о Ленине. Я ценю этот роман. Несправедливость всегда действует на писателя. Ленин оказался самой обиженной фигурой в советской истории. С ним поступили так же, как раньше поступали с царями. Николай Первый — только Палкин. Александр Третий — пьяница. Николай Второй — слабак, сдал государство. Вот так же презрительно стали писать о Ленине. В знак протеста я взялся за свой роман. Роман писался трудно, конечно, мешал институт. Работы много, возвращался домой усталым. Не до вымысла. Но роман дописал, и взялся за дневники, которые тоже меня безумно увлекли...

В.Б. Эпоху ты угадал прежде всего с романом "Имитатор". Ты и проснулся знаменитым после его публикации.

С.Е. Имитатор — слово опасное. Раздраженные моим попаданием в цель, многие теперь меня самого называют имитатором. Очень близко лежит. Журналисту охота обо мне гадость сказать, вот сразу и вспоминает — имитатор. Я вколотил в целую эпоху этот гвоздь, а теперь сам пожинаю плоды своего изобретения.

В.Б. Наверное, часто так и бывает.

С.Е. Стоило Фёдору Достоевскому заняться глубинной психологией человека, его объявили сумасшедшим. Тургенев был ярким лирическим писателем, а значит, в глазах обывателя — бабником. Так и с моим "Имитатором". К тому же все занялись поисками прототипа, я об этом и говорить не хочу. Ибо все находили в этом герое — себя. А я-то о них, бедных, и не догадывался.

В.Б. Как ты относишься к жёсткой критике в свой адрес? Я заметил, тебя критикуют волнами, одно поколение отстрелялось, вдруг за тебя берётся другое. К примеру, та же Анна Козлова, Олег Павлов, Илья Кириллов... Ты спокойно воспринимаешь критику, с определенным юмором. Не уничтожаешь в ответ противника. Но в душе-то кошки скребут?

С.Е. Молодые пусть учатся на мне. Не жалко. Жалко их самих. Илья Кириллов вообще — мой ученик, я очень переживал, когда он заболел. Хотел и сам ему помочь. Пусть обращается. Илья очень талантливый человек. Что касается Анны Козловой, наверное, она искренне считала именно так. Думаю, она не очень внимательно прочитала сам роман о Ленине. Скорее, отклик по теме. Он ей ещё не по зубам. Хотя девочка, конечно, талантливая. Удивительно, но роман о Ленине был распродан мгновенно. Мне один букинист сказал, что книги Есина не сдают в букинистические магазины. Это чего-то стоит. Почему-то мои томики оставляют себе на будущее. Трудно быть в форме, трудно удерживать внимание читателей.

У всех на слуху ещё какие-то привычки XX века. Ты сделаешь один раз стоящее, и уже тебя не забудут. Я хорошо помню, как один мальчик написал целый донос на моего "Гувернёра". Потом налетели на "Затмение Марса". Вот Аня Козлова разгромила моего Ленина. Илья прошелся по моим "Дневникам". Думаю, что-то напишут по поводу "Марбурга"... И пусть пишут, я очевидно, с виду — лёгкая добыча.

В.Б. В "Марбурге", конечно же, увидят тебя самого и твои старческие стенания, рефлексию, постоянные мысли о смерти. Тем более, они в романе на самом деле главенствуют. Это твой итоговый роман, и самый рефлексированный, подводя итоги, ты сам же спрашиваешь: зачем всё это? И нужна ли эта жизнь с её вечными проблемами и переживаниями? Не легче ли умереть?

С.Е. Смерть меня привлекала всегда. ...Если ты не задумался о смерти, значит, этот день для тебя прошёл даром. Первая часть романа "Марбург" биографична, но только по фактуре. А наполняется она совсем другим, крайне обобщённым смыслом. И потому ссылки на меня бесполезны. А сейчас я пишу очень озорной роман. Героем романа будет Литературный институт. Заранее жду постылые и обиженные лица, не понимающие, что роман-то не о них, о людях вообще. Так и "Марбург" возник из моих постоянных поездок в этот город, с которым мы дружим институтами. Встречи, совещания, симпозиумы, а художественный-то материал копится. Вистательство — это же физиологическое состояние. Разбух этот художественный материал, прорвало, я и придумал сразу какой-то сюжет.

В.Б. Ведь это же парадокс, что ты — ребёнок репрессированных родителей, а в университет поступил. И не только ты поступил, но и Бородин поступил, и Золотуский поступил. И далее аспирантура, школа при ЦК КПСС. Может, и обращали внимание, но, думаю, особенно не мешали жить. Это были личные переживания, но они не влияли на твою общественную жизнь. Впрочем, и у меня отец строил на севере железную дорогу отнюдь не добровольно. И построил. И жену там же на севере нашёл. И нас троих нарожал. Помню волнения и шептания родителей, но в своей жизни я никогда не ощущал явного давления, всего того, о чем любят писать наши либеральные оппоненты.

С.Е. Ты абсолютно прав. Советская власть мне много дала. Выучился в университете, не было семейного воспитания. Я учился у знаменитых профессоров. Это сейчас Чупринин с ехидцей пишет: закончил заочно филфак. Мол, не то образование. Или закончил Академию общественных наук при ЦК КПСС. А большего рассадника свободомыслия, чем эта Академия — я не знал.

В.Б. Её закончили и крайние русские националисты, тот же Боря Миронов, и крайние наши либералы.

С.Е. Это потом мне всё в вину поставил Славя Огрызко в своей статье. И то, что отец сидел, и то, что я Академию при ЦК КПСС закончил — во всём виноват. И то, что я "Имитатора" написал — виноват. И то, что он свою статью обо мне назвал "Имитатор", я тоже виноват... Значит, что-то зацепило.

В.Б. А почему сейчас замолчало так много писателей? Не хватило энергии? Оказались ненужными? Особенно в провинции?

С.Е. Тот же Георгий Баженов, чудный прозаик, почему молчит? Что делает? Или публикуется в "Нашем современнике" Михаил Тарковский, невероятной красоты писатель, а его почти никто не замечает. Петр Краснов пишет в своем Оренбурге сильнейшую прозу, я так рад, что сейчас ему решили дать премию "России верные сыны", но ведь о нем никто не пишет в наших столицах.

В.Б. Я искренне рад, что выдвинул его на премию, и моя кандидатура прошла. Но получается, жил бы он в Москве, вернее заметили бы? Писатель должен жить в Москве? Рождаться в провинции, а жить в Москве?

С.Е. Очевидно. Я — москвич. Я люблю Москву — это мой город. Всю жизнь тут прожил, проработал. Еще до боли в сердце люблю Калугу, где прошло моё военное детство, люблю Кострому, которую описал в своей первой повести. Мирный Рязань. Это уютные русские города. Сегодня Москва — некий всемирный конгломерат. Чего-то слишком много разного. Как Вавилон. Город настолько стал интернациональным, настолько лишился старых московских корней, что перестал мне быть близок.

Полностью интервью
читайте в газете "День литературы", 2005, №12